

Мок. правда. —

3 сентября 1989 года 4-я стр.

гость «Московской правды» — режиссер Валентин Плучек

Очищающий смех

— Валентин Николаевич, вы всю жизнь отдали театру, так же как и ваш двоюродный брат известный английский режиссер Питер Брук. Видимо, любовь к театру воспитывалась у вас в семье с детства, была одной из традиций?

— Представьте себе, нет. У нас в семье театральных деятелей не было. Но наш с Питером дед — отец его отца и моей матери — был очень крупный архитектор. Наша семья жила в Латвии, в Двинске (ныне Даугавпилс), и там дед построил ряд зданий, например ратушу. Архитектура — мать всех искусств. Видимо, гены деда так в нас преобразовались.

Я о театре никогда не мечтал, хотел быть художником. У меня находили способности, и, окончив школу, я поступил в изотехникум и на первом же курсе написал картину, которая попала на дипломную годовую выставку всего техникума. Студентами изотехникума бегали на диспуты Маяковского, с упоением читали «Левый марш» и кричали: «Клячу истории загоним...» (хотя не очень понимали, что это за кляча и почему ее надо загнать). И все мы были ярые маяковцы, и мейерхольдовцы. Маяковский и Мейерхольд — это были два кумира моей юности. И когда я увидел объявление, что идет набор к Мейерхольду, сам не зная, зачем подал туда заявление. До сих пор для меня загадка, почему Всеволод Эмильевич меня принял.

— Что вы читали на экзамене, не помните?

— Прекрасно помню. Все тогда читали либо Маяковского, либо Каменского, знаете: «Сарынь на кичку, ядерный лапоты!..». А я прочитал Есенина.

Таким образом, для меня все сложилось необыкновенно счастливо. Я провел десять лет рядом с моим Учителем, выдающимся художником сцены, о котором Евгений Вахтангов сказал: «Мейерхольд гениален. Он дал корни всем театрам будущего. Будущее воздаст ему». Я считаю, что будущее недостаточно еще воздаст Мейерхольду.

После закрытия театра Мейерхольда мы вместе с драматургом Алексеем Арбузовым создали свою студию и поставили пьесу «Город на заре». Премьера состоялась 5 марта 1941 года и имела большой успех.

Но вскоре грянула война, многие студийцы ушли на фронт и не вернулись или, как Зиновий Гердт, вернулись израненными. А я был всю войну руководителем Театра Северного флота.

И последний этап моей биографии — Театр сатиры, где я работаю уже сорок лет.

— Выбрать сатиру как метод воздействия на нравственное состояние общества вам помогла работа у Мейерхольда или случай?

— И то, и другое.

Меня вообще-то влекла драматическая сцена своим трагизмом, лирикой, юмором. Я о себе думал, что я лирический режиссер. А сатириков не любил. Они казались злыми какими-то, выскрывающими теневые стороны. Я же хотел поставить что-то радостное, озорное, что и осуществил потом в «Женитьбе Фигаро». С другой стороны, я прошел великую школу любви к Маяковскому, сам участник премьер «Клопа» и «Бани» у Мейерхольда, получил из рук Маяковского роль Моментальникова. И чувствовал, как сильно была в творчестве Мейерхольда струя обличительного. И только поставив на сцене сати-

рические пьесы Маяковского, я понял, как важно продолжить мейерхольдовские традиции обличения всего, что мешает жить, обращения к крупным социальным темам. Это и определило выбор драматургии. Мы работали с Назымом Хикметом, Александром Трифоновичем Твардовским...

Твардовский вообще сыграл большую роль в моей жизни. После постановки его «Теркина на том свете» нас пытались поссорить. Не удалось. А однажды, в особенно тяжелую минуту, когда я написал заявление об уходе из театра, Александр Трифонович отругал меня, как мальчишку. Он сказал: «Вы что, хотите бросить кепку на стол? Вот это и от меня добиваются в «Новом мире» все время. Не отдавайте театр, не смейте!». И я бесконечно благодарен Твардовскому, что он удержал меня от проявления слабости.

— Работать в жанре сатиры во все времена было непросто. Но, наверно, сейчас, когда на страницы газет, журналов выплескивается такое, о чем ранее даже эзоповым языком невозможно было сказать, должны измениться и задачи вашего театра?

— Трудно нам было всегда. Из каждых четырех сделанных мною спектаклей за три уж обязательно, образно говоря, раскладывали на рогожке и секли. Время было такое — «держать и не пущать». Но подлинной трагедией для театра была потеря двух таких мощнейших талантов сцены, как Папанов и Миронов. С ними из репертуара ушли «Женитьба Фигаро», «Ревизор», «Горе от ума», «Трехгрошовая опера», «Гнездо глухаря», которые мы вместе создавали.

После их смерти был период, когда я решил больше не возвращаться в театр. Больше всего боялся увидеть, что у Театра сатиры, который в течение 20 лет не знал, что такое пустые места, будут стоять люди и продавать билеты. Но бросить театр в такой серьезный момент было бы трусостью. Капитан не должен первым убежать с корабля. Я подумал: ведь в театре есть и другие прекрасные артисты — Г. Менглет, О. Аросева, М. Державин, А. Ширвиндт, С. Мишулин, В. Васильева, Р. Ткачук, сложившийся коллектив — и надо продолжать работать. Из-за болезни я последние полтора года ничего не мог поставить и только сейчас «разразился» премьерой «Трибунала» В. Войновича.

Ну, а если говорить о дне сегодняшнем, то, думаю, перед

нами встают иные, чем прежде, задачи. Крупнее. Перестало быть главным обличение мелких, сиюминутных недостатков. На первый план выходит та сатира, которая, начиная со времен Аристофана, боролась за человека, за очищение его от пороков. Ибо и тогда, две тысячи лет назад, люди понимали, что функции смеха необычайно многообразны, что смех может исправлять нравы. Этим нам, по-моему, и надо заниматься.

«Трибунал» В. Войновича — продолжение нашей главной линии. Эта пьеса очень актуальна теперь, когда мы всерьез боремся за правовое государство. Интерес зрителей к спектаклю подтверждает правильность выбора. А тем «осторожным», которые усматривают в пьесе ассоциативные намеки на нынешнее руководство, могу напомнить, что во время острейшей борьбы за Республику Советов у Ленина хватило времени написать предисловие к книге А. Аверченко «Двенадцать ножей в спину революции», где основным сатирическим персонажем был он сам. Вот отношение к сатире.

— Валентин Николаевич, вы старый москвич. Работаете в здании, где, если верить Булгакову, выступал в варьете Воланд, сказавший о москвичах: «Ну что же, люди как люди... квартирный вопрос только испортит их...». А что вы думаете о московской публике?

— Я не хотел бы предъявлять публике никаких обвинений. Я считаю, что она ни в чем не виновата. Если мы неверно жили, лгали в искусстве, восхваляли отнюдь не то, что должно было, то и воспитали ту публику, которую заслуживаем. А зритель всегда стремился найти свою пьесу, свой театр.

И сегодня спектакль может найти своего зрителя, даже такой, который делаешь для себя в качестве эксперимента, как, например, «Вишневый сад» на нашей Малой сцене.

— Валентин Николаевич, вы бессменно четыре десятилетия в одном театре. Не хотелось ли вам иногда все бросить, сбежать в кино, на телевидение, ну хоть на время...

— Нет, в кино, нет. Я пробоval ставить фильм по моему спектаклю «Яблоко раздора». Специфика кинопроизводства не для моего темперамента. Только актер скажет три фразы — остановка. То облако не солнце нашло, то свет не тот, то еще что-нибудь... Я кричу: «Что происходит?». Администратор спокойно так: «Валентин Николаевич, не волнуйтесь, идет нормальный процесс...». Нет, не для моего это темперамента.

Да и вот что я еще думаю. Театр тогда хорош, когда главреж ходит на работу ежедневно и каждый день его пальто видят на вешалке. Это очень важно. А уйти в кино или на телевидение — значит, оставить театр на три-четыре месяца. Поступив так, я уже не имею никакого морального права сердиться на артиста, который из-за съемок отсутствует.

Нет, мое кредо — верить в свой коллектив, в свой театр, в свое дело, страстно его любить и надеяться, что мы еще можем послужить обществу оружием сатиры.

Свое 80-летие главный режиссер Театра сатиры, народный артист СССР В. Плучек отмечает новой работой. С днем рождения, Валентин Николаевич! С премьерой!

Беседу вела
Л. НЕКРАСОВА.